

УДК 821.16

ЛЕКСИКОНЫ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

© Е.М.Маркова

На материале лексики славянских языков: русского, чешского и словацкого – демонстрируется типологический характер сходств и различий их лексиконов с учетом языковых изменений конца XX - начала XXI вв. Лексическая дивергенция представлена асимметрией словообразовательных и фразеосемантических гнезд, межъязыковой омонимией и полисемией, различиями в синтагматике общих лексем, стилистической дифференциацией, лингвокультурной спецификой вторичных наименований. Наряду с этим современные славянские языки характеризуются конвергентным характером развития их лексиконов, обусловленным не только общим происхождением, но и общими внутренними тенденциями развития. Конвергирующие факторы связаны с типологией семантических моделей, с едиными глобализационными процессами, находящими отражение в лексике, словообразовании и семантике. Обращается внимание на то, что подобное сопоставление по шкале «сходства» – «различия» имеет большое значение для методики преподавания русского языка в славянской аудитории, являясь основанием лингводидактической группировки лексики.

Ключевые слова: русский язык как инославянский; конвергенция и дивергенция языков, лингводидактическая группировка лексики.

Эволюция родственных языков, в том числе и славянских, в аспекте их билингвального сопоставления представлена двумя противоположными направлениями: конвергенцией и дивергенцией. Дивергенция связана с разного рода расхождениями в языках, дифференциацией, охватывающей и внешнюю, и внутреннюю стороны лексических единиц: асимметрией словообразовательных и фразеосемантических гнезд; несоответствием внутренней формы производных лексем, обозначающих один денотат; межъязыковой омонимией и полисемией; синтагматикой общих лексем; стилистическими расхождениями; лингвокультурными различиями вторичных наименований. Особенно усилилась она в последние десятилетия в связи с дезинтеграционными процессами в славянских странах. На наших глазах разделились сербский и хорватский языки, идет речь о выделении черногорского и боснийского языков, настаивают на большей дифференциации чешского и словацкого, русского и украинского языков. Однако еще в 90-х годах известный русский лингвист Н.М.Шанский писал, что «среди лингвистической общественности – со времени появления ... работ Э.Сепира, Б.Уорфа и Л.Вайсгербера – традиционно бытует мнение о коренных расхождениях между языками, связанных с принципами номинации, лингвострановедческим компонентом слов и фразеологических оборотов и в силу этого с тем, что называется языковым членением объективной действительности... Думается, что это одно из многих укоренившихся заблуждений. С привлечением данных языковой периферии, диалектных и устаревших фактов,

стилистически маркированного материала, при внимательном и тщательном их анализе становится ясно, что национальная специфика картины мира во многом сильно преувеличена. Интернационализация все больше и больше охватывает не только лексикон как таковой, но и его категориальную и словообразовательную организацию, а также формы и способы названия... Центростремительные силы со временем оказываются значительно сильнее, чем центробежные. И этому процессу не может помешать ни национальный сепаратизм в политике, ни создание пуристических «завалов» и «резерваций в языке» [1: 73]. Поэтому дивергенция современных славянских языков уравнивается конвергенцией (разного рода соответствиями, схождениями), связанной с едиными внутренними тенденциями развития, действием общих словообразовательных и семантических моделей, влиянием других языков (в последнее время английского), усилившимся в условиях активных глобализационных процессов.

Лексика славянских языков представляет собой такое сложное явление, в котором переплетаются изо- и гетероморфизм, изо- и гетеросемия. Действительно, с внешней точки зрения, являясь изначально изоморфными, славянские языки обладают общим корпусом словообразовательных средств, но, соединяясь друг с другом и функционируя в соответствии с внутренними законами отдельных языков, эти общие элементы приводят к гетероморфным результатам. С внутренней точки зрения гетеросемия, обусловленная неравномерностью смыслового развития

отдельных лексем в результате изолированного существования языков после распада праязыка, а также случайным совпадением форм, сосуществует с изосемией, обусловленной действием единых семантических моделей в виде универсальных культурных кодов, подчиненных общим ментальным процессам.

В результате эволюции праславянского лексического фонда в разных славянских языках оказались по-разному «рассыпанными» общие для них корневые и аффиксальные морфемы, что привело к их лексико-словообразовательной асимметрии. Среди унаследованных славянскими языками праславянских корневых морфем было немало синонимичных. В результате действия тенденции к избавлению от дублетности один из синонимов закреплялся в качестве основного номинанта, тогда как другой смещался на языковую периферию или изменял свою семантику или стилистическую принадлежность. Разные языки могли «предпочесть» разные синонимы. Интерес с этой точки зрения представляет сопоставительное исследование словообразовательных гнезд, то есть групп слов, имеющих одинаковую корневую морфему.

Так, между русским, чешским, а также очень близким к нему словацким языком наблюдается асимметрия в использовании синонимичных праславянских корней *-бол-*, *-хвор-/ -хор-*, *(не)моц-* (чеш. и слвц. *(не)мос-*). В русском языке в общем употреблении стал использоваться корень *-бол-*, представленный в дериватах: *боль*, *болезнь*, *больной*, *больница*, *болеющий*. В чешском и словацком языках словообразовательный ряд с корнем *-bol-* не такой многочисленный: чеш. *bolet*, слвц. *boliet'* (только о каком-либо органе), чеш. и слвц. *bolest* 'боль'; чеш. *bolení* и *bol* получили более узкое значение: первый дериват стал обозначать только физическую боль, а второй, напротив, «душевную боль, печаль». В словацком языке бытует и адъектив *bol'avý* с семантикой 'больной, болезненный' [2-3].

В чешском языке наибольшее распространение получил корень *(не)мос-* (от *мос* 'сила' из **mog-ть*) [4]: *byt nemocen* 'болеть какой-либо болезнью', *netos* 'болезнь' (ср. рус. *немошь*, *немочь*, *занемочь* 'заболеть'), *netosný* 'больной', *netosnice* 'больница'. В словацком более популярным стал корень *-chor-* (*-chvor-*) (представленный в рус. прост. *хворать* – *захворать*, *хворый*), от которого были образованы корреляты *byt' chorý* 'болеть', *chorý* 'больной', *chorobný* 'болезненный', хотя в значении 'больница' в нем активно используется и бжемизм *netosnice*. В значении «болеть за команду» в чешском и словацком языках употребительны глаголы с заим-

ствованным корнем: чеш. *fanit* и слвц. *fanúšikovat'*, с которыми связаны и агентивы чеш. *fanoušek* и слвц. *fanúšik* 'болеющий', восходящие к англ. *fan, fanatic* (ср. рус. *фанат*) [2-3].

Условия развития языков, их отношение к заимствованиям, характер контактирования с другими языками являются важными факторами, ведущими к утрате отдельных лексем и возникновению лексико-семантической асимметрии близкородственных языков. Унаследованная из общего праязыка лексема может быть вытеснена заимствованием в одном из языков при сохранении ее в исторических документах, диалектах.

Обращение к истории чешского и словацкого языков выявляет сильные пуристические тенденции в них. Чешский язык в период насильственной германизации страны с XVI по XIX вв. испытал сильное влияние со стороны немецкого языка, а словацкий – не только со стороны немецкого, но и венгерского и чешского, что способствовало подъему пуристического движения в этих странах, активизации борьбы за «славянское» звучание их языков. Русский литературный язык, особенно начиная с эпохи Петра I, напротив, ориентировался на западную культуру, что способствовало проникновению в него многочисленных заимствований.

Поэтому нередко заимствованиям в русском языке соответствуют дериваты с общеславянскими корнями в чешском и словацком. В качестве иллюстрации можно привести много примеров. Так, рус. *газета* (из итальянского) соответствует чеш. и слвц. *povíny* с общеславянским корнем *нов -*; рус. *мебель*, заимствованное из французского и известное в болгарском (*мебел*) и польском (*mebel*) языках, коррелирует с чеш. *nábytek*, слвц. *nábytok*, образованными от общеславянского корня *быт-*. Заимствованное в русском языке из французского слово *букет* семантически соответствуют чеш. *kytice*, словац. *kytica* от общеславянского *kyta* 'связка, пучок растений' и т. п. Список примеров лексического гетероморфизма на материале русского, с одной стороны, и чешского и словацкого языков, с другой, проявляющегося в оппозиции «заимствованное» – «исконное», может быть значительно расширен, хотя нужно заметить, что в ряде случаев словацкий язык занимает «промежуточное» положение, используя и свое, и заимствованное: чеш. *území*, слвц. *územie* (от *země* – земля) – рус. *территория* (наряду со слвц. *teritóriium*); чеш. и слвц. *letuška* – рус. *стюардесса* (наряду со слвц. *stewardka*) и др. [5; 3].

Лексическая асимметрия современных славянских языков характеризуется и наличием значительного количества лексем с одинаковыми

корнями, но разными аффиксами. Это связано с различной продуктивностью словообразовательных средств в разных славянских языках: рус. *вешалка* – чеш. *věšák*, слвц. *vešiak*; рус. *будильник* – чеш. и слвц. *budík*; рус. *поверхность* – чеш. и слвц. *rovrch*; рус. *доказательство* – чеш. и слвц. *důkaz*; рус. *творчество* – чеш. и слвц. *tvorba*; рус. *поражение* – чеш. и слвц. *porážka*; рус. *ножницы*, слвц. *požnice* – чеш. *nůžky*; рус. *возможность* – чеш. и слвц. *možnost*, рус. *покупка* – чеш. и слвц. *nákup* и др. [5; 3].

Славянские языки различаются по частотности использования тех или иных способов деривации. Так, русским сложным словам часто соответствуют суффиксальные образования в чешском языке. Иллюстрацией этого могут служить следующие русско-чешские эквиваленты: русским сложениям *самолет*, *вертолет*, *пароход*, *кислород*, *водород* соответствуют чешские суффиксальные образования *letadlo*, *vrtulník*, *parník*, *kyslík*, *vodík*. Исследователи отмечают склонность русского языка не только к заимствованию иноязычных слов и словосложению, но и к аналитическому словообразованию в отличие от чешского, где, помимо суффиксации, продуктивны семантическая конденсация суффиксальных образований и универбация.

Чешский и словацкий языки, в отличие от русского, характеризуются большей стандартизацией словообразовательных средств, результатом чего является большая однотипность чешских и словацких коррелятов. В качестве подтверждения этого факта можно привести образование собирательных существительных в чешском языке, которое, в основном, подчинено следующей регулярной модели: чеш. *učitelstvo* (рус. *учителя*), чеш. *ptactvo* (рус. *птицы*), чеш. *živočišstvo* (рус. *животный мир*), чеш. *rostlinstvo* (рус. *растительный мир*), чеш. *včelstvo* (рус. *пчелы*), чеш. *lodstvo* (рус. *суда*), чеш. *horstvo* (рус. *горы*), чеш. *učivo* (рус. *учебный материал*), чеш. *osivo* (рус. *посевной материал*), чеш. *kuřivo* (рус. *табачные изделия*, ср. рус. разг. *курево*) и т.д. [6]. Их эквивалентами в русском языке, как видно из примеров, являются формы множественного числа существительных или аналитические наименования.

Словообразовательная асимметрия славянских языков связана и с разной продуктивностью деривационных формантов в отдельных языках. Так, продуктивностью суффиксов *-ec-* и *-ař-* в чешском языке объясняется наличие чеш. *stařec*, *věneš*, *rybař*, *pastyř*, эквивалентных по своей семантической и стилистической характеристике рус. *старик*, *венки*, *рыбак*, *пастух*.

Сравнение лексем с древним формантом *-dlo* (рус. *-ло*), в основном, с инструментальным значением (типа чеш., слвц. *šídlo* – рус. *шило*, чеш. *zrcadlo*, слвц. *zrkadlo* – рус. *зеркало*, чеш., слвц. *mýdlo* – рус. *мыло* и т. п.) дало возможность обнаружить их лексико-словообразовательную асимметрию, связанную с утратой продуктивности данной деривационной модели в русском языке. По нашим подсчетам, основанным на данных «Этимологического словаря славянских языков», в праславянском языке бытовало примерно две сотни слов с данным суффиксом [7]. Многие слова с формантом *-dlo* сохранились в современных чешском и словацком языках, а также были образованы по данной модели позднее в силу продуктивности в этих языках: в чешском их число достигает количества в праславянском, а в словацком насчитывается примерно половина от этого: например: чеш., слвц. *cedidlo* ‘дуршлаг’, чеш., слвц. *čerpadlo* ‘насос, помпа’, чеш., слвц. *držadlo* ‘ручка, рукоятка’, чеш., слвц. *kružidlo* ‘циркуль’, чеш., слвц. *platidlo* ‘платежное средство’, чеш., слвц. *počítadlo* ‘счетчик’, чеш., слвц. *sedadlo* ‘сиденье’, чеш. *prádlo*, слвц. *pradlo* ‘белье’, чеш., слвц. *lepidlo* ‘клей’, чеш., слвц. *tužidlo* ‘средство для укладки волос (мусс)’, ‘средство для крахмаления белья’, чеш. *chapadlo*, слвц. *chápadlo* ‘щупальце, клешня’, чеш., слвц. *chodidlo* ‘ступня, стопа’, чеш., слвц. *divadlo* ‘театр’, чеш. *letadlo*, слвц. *lietadlo* ‘самолет’ и др. [6; 3]. В современном русском литературном языке в целом количество слов с формантом *-ло* (*-ла*) составляет всего около 50 единиц [8].

Проблема ложного сходства распространяется и на словообразовательные форманты. Большая часть словообразовательных средств, а также многие деривационные модели в славянских языках совпадают, являясь рефлексом праславянского единства. Совпадает в значительной мере и семантика словообразовательных средств и моделей. Изменяется, однако, распределение морфем: одно и то же значение передается подчас при помощи различных корней или различных аффиксов. В результате этого совпадение лексиконов славянских языков оказывается мнимым, кажущимся, а наличие общего корпуса словообразовательных средств нередко ведет к межъязыковой омонимии – внешнему изоморфизму при семантической несоизмеримости, например, рус. *давка* ‘многолюдье, при котором люди давят друг на друга’ и чеш. *dávka* ‘порция’; рус. *младенец* ‘грудной ребенок’ и чеш. *mládenec* ‘молодой человек’; рус. *прачка* ‘работница, занимающаяся стиркой белья’ и чеш., *práčka* ‘стиральная машина’; рус. *родина* ‘родная страна’ и

чеш. *rodina* ‘семья’; рус. *сушка* ‘маленькая банка’ и чеш. *suška* ‘худая женщина’ и др. [2].

Межъязыковую омонимию необходимо ограничивать от межъязыковой полисемии, которую отличает общее происхождение коррелятов. Можно выделить несколько факторов образования изоморфных лексем, разошедшихся семантически, но сохраняющих смысловую связь как следствие эволюции общего этимона: семантическое развитие общих лексем праславянского лексического фонда (напр., рус. *зубы* ‘выпуклые части рта’ и чеш. *houby* ‘грибы’, рус. *худой* и чеш. *chudý* ‘бедный, нищий’); общие заимствования из неславянских языков (типа рус. *роба* ‘грубая рабочая одежда’ и чеш. *roba* ‘вечернее платье’, рус. *маляр* ‘рабочий’ и чеш. *malíř* ‘художник’); заимствования из одного славянского языка в другой (рус. *табор* из чеш. *tabor* ‘лагерь’, рус. *колготки* из чеш. *kalhoty* ‘брюки’) и т.п.

Нередко генетически общие лексемы даже при их полном денотативном сходстве различаются культурно-коннотативными наращениями, что в большой степени относится, например, к названиям животных в славянских языках. К примеру, *рыба* при полном сходстве в плане денотации имеет эмоционально-образные различия в русском и чешском языках: образ рыбы связан в русском сознании с инертностью, вялостью, безынициативностью человека, что вербализуют фраземы: *молчать как рыба, открывать рот как рыба*. У чехов образ рыбы ассоциируется со здоровьем, свежестью, бодростью, ловкостью, что эксплицируют устойчивые сравнения с этим образом: *zdravý jako ryba* (ср. с рус. *здоровый как бык*), *čilý / čerstvý / mrštný jako ryba* (букв. ‘бодрый, свежий, ловкий как рыба’), нетипичные для русской культуры [9].

Гетеросемию, связанную с разными синтагматическими возможностями, демонстрируют общие прилагательные в славянских языках, что хорошо видно при сопоставительном анализе фразеосемантических гнезд, к примеру, с прилагательными-колоративами. Здесь можно выделить общую фразеосемантическую составляющую, например, колоратив *зеленый* в составе фразеологизмов русского и чешского языков одинаково символизирует молодость, юность: рус. *зеленый возраст, зеленая молодежь, молодозелено*, чеш. *věčně zelené písně (milodie)* (букв. ‘вечно зеленые песни, мелодии’), а также ‘разрешенный, не имеющий преград, свободный’: рус. *давать / дать зеленую улицу, зеленый свет* (‘дорога открыта’) чеш. *dát zelenou* [10-11].

Но на фоне изосемии выделяются факты межъязыкового семантического несоответствия.

Русскому языку свойственны специфические синтагмы: *зеленый змей* (‘алкоголь’), *тоска зеленая* (‘о чем-то очень скучном’), *елки зеленые* (в качестве междометия при выражении удивления или досады). В чешском языке выделяются неизвестные в русском устойчивые выражения: *zelený čtvrtek* (‘зеленый четверг’) в значении «Страстной четверг»; *rozhodovat od zeleného stolu* (букв.: решать от зеленого стола) в значении «решать дела в кабинетном порядке»; *stavět, dělat, vznikat na zelené louce* (букв.: начинать с зеленого луга) в значении «начинать с нуля»; *dítě ze zelené krve* (букв.: ребенок зеленой крови) – «внебрачный ребенок» [11].

Семантически дифференцировались в исследуемых языках и адъективные образования с суффиксом *-л-* от глагола *идти* с приставками: *пришлый, прошлый, пошлый, дошлый, ушлый*, что проявляется в их синтагматике. Если *прошлый* в русском языке образует сочетания: *прошлый год, в прошлый раз, прошлый урок, дело прошлое*, то чеш. *prošlý* часто используется в сочетании: *člověk, prošlý světem* (букв.: человек, прошедший по миру). *Пошлый* определяется как «низкий в нравственном отношении, безвкусно-грубый», с ним возможны такие сочетания, как *пошлая среда, пошлый человек, пошлый анекдот*. В чешском языке прилагательное *pošlý* известно в значении «дохлый, издохший, околевший» как дериват от глагола *pojít* (рус. *пойти*) ‘сдохнуть, околесть’, поэтому в чешском возможны такие словосочетания, как *pošlý kůň, pošlá vlně*. Рус. *дошлый* ‘способный дойти до всего, смысленный, ловкий’ образует сочетания *дошлый парень, дошлый студент, дошлый сотрудник*. Чеш. *došlý* сохраняет связь с глаголом *dojít* ‘дойти’ и потому встречается в сочетаниях типа *došlá pošta*. Рус. *ушлый* – это «ловкий, хитрый; проныра, пройдоха»: *ушлый ребенок, ушлый парень*; чеш. *ušlý* – «уставший от ходьбы», поэтому с ним возможны такие чешские сочетания, как *ušlý stařec, ušlá babička*, а также «такой, который ушел», на основе чего было образовано переносное, употребительное в экономике значение ‘потерянный’, реализующееся, например, в выражениях *ušlý zisk* ‘потерянная прибыль’, *ušlá mzda* ‘потерянная зарплата’ [6].

Наряду с этим современные славянские языки обнаруживают изоморфизм и глубинную изосемию, заключающуюся в путях развития значений отдельных лексем и целых лексических групп, в характере и типах семантических сдвигов, в семантических процессах, происходящих в словах одной тематической или семантической группы, в общих тенденциях языкового развития.

В условиях глобализации одним из характерных языковых процессов новейшего времени является активное проникновение в современные славянские языки англоамериканских наименований различных реалий жизни современного мирового сообщества, отражающее процессы глобализации, расширения и углубления международных связей, резкого увеличения потока информации с Запада. Многие англоамериканизмы заимствуются не только с целью наименования нового явления, но и для того, чтобы служить компактной номинацией того, что до сих пор имело более длинное, аналитическое наименование. Например, все более укрепляется наименование *уикенд* – чеш. *vikend* вместо *выходные дни*, рус. *колгерл* – чеш. *callgirl* вместо *девушка по вызову*, рус. *имиджмейкер* – чеш. *imagemaker* вместо *создатель имиджа*, рус. *триллер* – чеш. *triler* вместо *приключенческий фильм*, рус. *гастарбайтер* – чеш. *gastarbeitr* вместо *рабочий-иммигрант* и др. [12].

В последние десятилетия во всех славянских языках, в том числе и в русском, отмечается устойчивая тенденция к усилению универбации, часто в сочетании с суффиксацией, что нейтрализует имевшую здесь место асимметрию [13: 902]. Большое распространение в речи в последнее время получили различные сокращения слов, отсечения части слова, рост новообразований с нулевой суффиксацией: напр., рус. *комп* вместо *компьютер*, чеш. *роџ* от *roĉítaĉ* ‘компьютер’; рус. *мерс* вместо *мерседес*, чеш. *mergl*, означающее в речи современной чешской молодежи *мерседес*; рус. *макдак* и чеш. *tekáč* – названия ‘Макдональдс’; рус. *профи* от *профессионал*, чеш. *prófa* от *professional* и т.п. Деривация с нулевой аффиксацией, особенно соотношенная с глаголами, принадлежит к универсалиям славянского словообразования, активно проявляющим себя в последние десятилетия: напр., *прокол* от глагола *проколоться* в значении «ошибиться, совершить поступок, раскрывающий истинные намерения кого-л.», чеш. *kiks* (от *kiksnout* – ‘проколоться’). В русле данной тенденции находится и рост компактных результативных глаголов, к примеру, рус. *шопинговать* от *совершать шопинг*; *СМСить* от *посылать СМС*; *спамить* – от *рассылать спам*; *контачить* – от *находиться в контакте*; *пиарить* – от *делать пиар*; рус. *мейлить* от *писать мейлы* ‘писать, переписываться по интернету’ – чеш. *mailovat* от *mail*; чеш. *mejdanovat* ‘тусоваться’ от *mejdan* (тусовка, обычно в квартире одного из его участников) [12; 14], слов. *vidličkovat* ‘взбивать что-л. вилкой’ и т.п.

На фоне межъязыковой гетеросемии обнаруживаются отдельные изосемные факты, сохра-

нившиеся во фразеологии. Фразеология представляет собой такой парадоксальный слой языка, который не только транслирует этнокультурную специфику, но и консервирует древние, общие для близкородственных языков факты языка. Так, семантику чеш. *ušlý* – ‘уставший от ходьбы’ можно сравнить со значением рус. *уходить* в пословице *уходили сивку крутые горки*. Утраченное современным русским языком слово *коло* ‘колесо’, известное в других славянских языках с праславянского периода (напр., чеш. *kol* ‘колесо; велосипед’), в качестве компонента внутренней формы присутствует во фраземах *нести околесцу*, *идти окольными путями*. Современное чеш. *čas* ‘время’ коррелирует с семантикой рус. *час* в пословице: *часом с квасом, порой с водой* и под. (подробнее о семантике слова *час* в русских пословицах см. [15]).

Анализ явлений вторичной номинации, в том числе фразеологии, в билингвальном межславянском аспекте обнаруживает общность многих моделей, по которым осуществляется вторичная объективация действительности (к чему приводят и общие семантические кальки). Так, в славянских языках часто совпадают как положительно-оценочные, так и негативно-оценочные переносные значения зоонимов. Напр., по отношению к замкнутому, непонятному человеку в русском языке употребительно выражение *темная лошадка* и его чешский эквивалент *černý kůň*. Любящий женщин мужчина называется у русских *котом мартовским*, у чехов – *mlsný kocour* (букв.: любящий полакомиться кот). Престарелого ловеласа в обеих культурах сравнивают с *котом облезлым* – чеш. *opelichaný kocour*. Чеш. *zmije* ‘гадюка’ и рус. *гадюка* служат экспрессивным наименованием вероломной, злобной женщины, выступая одновременно и в качестве ругательства. *Курица* (чеш. *slepice*) одинаково ассоциируется в обоих языках с глупостью, а также с неприглядностью, что послужило основой устойчивых сравнений: рус. *как мокрая курица* эквивалентно чеш. *jako zmoklá slípka / slepice* [9].

Подобную изосемию демонстрируют и другие коды культуры, например артефактный. С негативной коннотацией, к примеру, часто используются названия острых предметов для наименования женщин, склонных все время ругать, «пилить» своих мужей: рус. *пила*, рус. (разг.) *шкрабина* и чеш. *rašple* ‘рашпиль, точащий инструмент’. Нередки сравнения женщин с емкостями, вместилищами: рус. *бочка*, *старая перечница*, *старая скворечница* и чеш. *stará škatule* (старая шкатулка). Пожилой человек ассоциируется с археологической древностью: рус. *реликт* – чеш. *vykopávka* ‘археологическая ценность’ [16].

Универсальными в современных славянских языках оказываются и общие направления смыслового развития лексем. Смысловые сдвиги, переосмысления, перенос значений или наименований демонстрируют подчиненность единым семантическим моделям. Так, рус. *пакет* соответствует чеш. *balík*, аналогичными являются и большинство их переносных значений: *пакет документов* (рус. *пакет предложений, пакет законопроектов* – чеш. *balík zákonů*), рус. *контрольный пакет* – чеш. *kontrolní balík (akcii)* [12]. Примеров семантических инноваций, основанных на семантическом калькировании, много в области компьютерной лексики: рус. *взломать* (компьютерную сеть) (наряду с *хакнуть*) – чеш. *nabourat se (do programu počítače)* (первоначально «разбиться, потерпеть аварию»), *háknout (počítačový systém)* (первоначально «зацепить клюшку соперника»); рус. *гулять* (также *лазить, ходить*) (по Интернету), *зайти* (в Интернет) – чеш. *surfovat internetem / na internet*; рус. *сидеть* (в Интернете), *чатиться* – чеш. *chatovat*; рус. *скачать* – чеш. *stáhnout* (первоначально ‘стянуть, стащить что-л. с кого-л.’); рус. *взломец* (наряду с *хакер*) – чеш. *průnikář* (от общеслав. *проникать*) наряду с *hacker* и др. [12].

Для выражения понятия «большое количество чего-либо» в славянских языках нередко используются вторичные номинации общего характера, на фоне которых особенно ярко выделяются спецификации. В этом значении известны названия ландшафтных объектов больших размеров: *лес, гора, куча, туча*, чеш. *les, hora, kopec, trak* (в сочетаниях *лес рук, гора вещей, туча мух, комаров*, чеш. *les rukou, hora jablek / cihel, mít kopu dětí* ‘иметь много детей’; *trak kotárů, traky lidí* и т.п.); углублений: *пропасть, бездна, прорва*, чеш. *propast, spousta* ‘бездна’ (*пропасть машин, бездна народа*, чеш. *spousta děl, práce* ‘пропасть дел’, *propastní rozdíl v názorech* ‘пропасть во взглядах’ и т.п.); водоемов: *поток, море, реки (поток слов, море людей, реки слез* и т.д.), чеш. *potok, řeka* [16]. Одной из универсальных моделей лексической объективации большого количества является обозначение их словами со значением «вид транспорта больших размеров для перевозки каких-либо предметов»: *вагон, воз*, а также «емкость для складывания предметов»: *мешок, пакет*. В русском языке с ними употребительны сочетания: *времени вагон, вагон дел, обязанностей, вещей; воз подарков, игрушек; мешок денег (денежный мешок); пакет документов, законов*. Существует и фразама *вагон и малая тележка* со значением «очень много чего-л.». В чешском языке соответствующему переносу подверглись лексемы

fůra ‘воз, вагон’, *pytel* ‘мешок’, *žok* ‘мешок, куль’, *balík* ‘пакет’: *fůra novinek* ‘вагон новостей’, *peněz* ‘денег’, *děti* ‘детей’, *práce* ‘работы’, *má fůru rozumu* ‘у него ума палата’; *pytel peněz* ‘мешок денег’, *nadávek* ‘ругательств’, *slibů* ‘обещаний’; *žok peněz* ‘мешок денег’ [16].

Как видим, взгляд на родной язык через призму другого, родственного, языка открывает большие возможности не только для выявления специфики своего языка, но и установления единообразия, сходства, типологических черт, присущих языкам. Билингвальное сравнение и описание сходных и дифференцированных языковых явлений имеет и большое лингводидактическое значение, нацеливая на то, что, занимаясь изучением другого славянского языка, нужно смотреть на него с точки зрения иной лингвокультуры. Обучение инославян русскому языку должно вестись с учетом этих явлений, что ставит проблему выделения русского языка как инославянского (РКИН), характеризующегося особой лингводидактической группировкой лексического материала.

1. Шанский Н.М. Сходство и различие в номинативных системах языков // Русский язык в школе. – 1991. – №2. – С. 72 – 74.
2. Velký česko-ruský slovník / Pod ved. L.Kopeckého, J.Filipce a O.Lešky. – Praha: Leda, 2006. – 1407 s.
3. Slovník slovenského jazyka. – Bratislava: Veda, 1987. – 562 s.
4. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. – Brno: Lidové noviny, 2010. – 866 s.
5. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. – Praha: Academia, 2003. – 647 s.
6. Příruční slovník jazyka českého. –Т. 1-9. – Praha, 1935-1957.
7. Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева. – М.: Наука, вых. с 1974.
8. Маркова Е.М. Судьба существительных на *-(д)ло в русском, чешском и словацком языках // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». – 2012. – № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 20.02.2015).
9. Čermák F., Hronek H. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přirovnání. – Praha: Leda, 2009. – 507 s.
10. Мокшенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 608 с.
11. Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. – Olomouc, 2002. – 659 s.
12. Krejčířová I. a kol. Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů. – Praha: Academia, 2004. – 285 s.
13. Маркова Е.М. Основные тенденции в лексике современных славянских языков // Материалы V Междун. научн. конф. «Русский язык в языковом

- и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет» 9-13 мая 2012 г. – Варшава, 2012. – С. 899 – 904.
14. Slovník nespisovné češtiny. – 2. rozšířené vydání. – Praha: Maxdorf, 2006. – 460 s.
15. *Бочина Т.Г.* Функционирование темпоральных биномов в русской паремике // Филология и образование: современные концепции и технологии: Материалы Международной научной конференции (3-5 июня 2010 года). – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – С. 69 – 71.
16. *Klégr A.* Tezaurus jazyka českého. – Praha, 2007. – 1189 s.

LEXICAL FUND IN THE MODERN SLAVIC LANGUAGES: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

E.M. Markova

Based on the lexical units from the Russian, Czech and Slovak languages, the paper demonstrates the typological character of similar and different features of their lexis, the changes that occurred in the late 20th – early 21st centuries are taken into account. Lexical divergence is represented by the asymmetry of word-formational and phrase-semantic families, interlingual homonymy and polysemy as well as by the differences in the syntagmatics of common lexemes, stylistic differentiation, and cultural-linguistic features of secondary nominations. At the same time, modern Slavic languages are characterized by the convergent development of their lexis, determined both by their common origin and the common internal tendencies of their development. Convergent factors are connected with the typology of semantic models, with common processes of globalization which are reflected in lexis, word-formation, and semantics. It is noteworthy that this juxtaposition of “similarities” – “differences” plays an important role for methods of teaching the Russian languages to Slavic students, being a base for language-educational grouping of lexical units.

Key words: Russian language as a foreign Slavic language, linguistic convergence and divergence, language-educational grouping of lexical units.

1. *Shanskij N.M.* Sходство i razlichie v nominativnyx sistemax yazykov // Russkij yazyk v shkole. – 1991. – № 2. – S. 72 – 74. (in Russian)
2. Velký česko-ruský slovník / Pod ved. L.Kopeckého, J.Filipce a O.Lešky. – Praha: Leda, 2006. – 1407 s.
3. Slovník slovenského jazyka. – Bratislava: Veda, 1987. – 562 s.
4. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. – Brno: Lidové noviny, 2010. – 866 s.
5. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. – Praha: Academia, 2003. – 647 s.
6. Příruční slovník jazyka českého. – T. 1-9. – Praha, 1935-1957.
7. E'timologicheskij slovar' slavyanskix yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond / Pod red. O. N. Trubacheva. – M.: Nauka, v. 1974.
8. *Markova E.M.* Sud'ba sushhestvitel'nyx na *-(d)lo v russkom, cheshskom i slovackom yazykax // E'lektronnyj zhurnal «Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta». – 2012. – № 4. URL: www.vestnik-mgou.ru (accessed: February 20, 2015). (in Russian)
9. *Čermák F., Hronek H. a kol.* Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přirovnání. – Praha: Leda, 2009. – 507 s.
10. *Mokienko V.M.* Slovar' sravnenij russkogo jazyka. – SPb.: Norint, 1998. – 608 s. (in Russian)
11. *Mokienko V., Wurm A.* Česko-ruský frazeologický slovník. – Olomouc, 2002. – 659 s.
12. *Krejčířová I. a kol.* Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů. – Praha: Academia, 2004. – 285 s.
13. *Markova E.M.* Osnovnye tendencii v leksike sovremennyx slavyanskix yazykov // Materialy V Mezhdun. nauchn. konf. «Russkij yazyk v yazykovom i kul'turnom prostranstve Evropy i mira: Chelovek. Soznanie. Kommunikaciya. Internet» 9-13 maya 2012 g. – Varshava, 2012. – S. 899 – 904. (in Russian)
14. Slovník nespisovné češtiny. – 2. rozšířené vydání. – Praha: Maxdorf, 2006. – 460 s.
15. *Bochina T.G.* Funkcionirovanie temporal'nyx binomov v russkoj paremike // Filologiya i obrazovanie: sovremennye koncepcii i texnologii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (3-5 iyunya 2010 goda). – Kazan': Izd-vo MOiN RT, 2010. – S. 69 – 71. (in Russian)
16. *Klégr A.* Tezaurus jazyka českého. – Praha, 2007. – 1189 s.

* * * * *

Маркова Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и культуры речи Московского государственного областного университета, профессор кафедры русистики Университета Св.Кирилла и Мефодия в г.Трнаве.

105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10А.

E-mail: elena-m-m@mail.ru

Markova Elena Mikhailovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Culture of Speech, Moscow State Regional University, Professor of Russian Studies at the University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava.

10A Radio Str., Moscow, 105005, Russia

E-mail: elena-m-m@mail.ru

Поступила в редакцию 20.03.2015